

Барсукова Оксана Петровна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Россия
ginzeng@yandex.ru

МОТИВ СТРЕЛЬБЫ В СКАЗКЕ «ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА» (СУС 402)

Ключевые слова: царевна-лягушка, волшебная сказка, мотив, стрельба, жребий.

Сказочный сюжет о Царевне-лягушке начинается со стрельбы из лука. «Стрельба» в этой сказке – способ жеребьевки, с помощью которой братья определяют, в какой стороне им сватать себе невесту. Известно, что русская традиционная свадьба не предполагала сватовства жеребьевкой. Ритуальные контексты и свадебный фольклор дают понять, что мотив стрельбы встречается в разных элементах свадебного обряда (игра «стрельба в гуся», стрельба «по побасулкам»), а также – в песнях (метафоры стрелы, охоты). Так, семантику сказочного мотива можно выявить в двух перспективах: из ритуального жеста «стрельба» и мотива жребия.

Barsukova Oksana

Saint Petersburg State University (SPbSU),
St. Petersburg, Russia

THE MOTIVE OF SHOOTING IN THE FAIRY TALE “THE FROG PRINCESS”

Keywords: the frog princess, a magic fairy tale, a motive, a shooting, a lot.

The fairy tale plot begins with archery. “Archery” is the way of draw, by means of which brothers define the side of their future wives. As we know, the Russian traditional wedding has no fixated examples of courtship with a lot. A ritual contexts and wedding folklore say that motive of “shooting” occurs in the different elements of a wedding ceremony (the game “shooting in a goose”, shooting “po pobasul'kam”) and in a wedding songs (the arrow and hunting metaphors). So, the semantics of fairy tale motive of “shooting” can be revealed from the ritual gesture of “shooting” and the motive of a lot.

Сказочный сюжет о царевне-лягушке начинается с недостачи¹, которая даёт начало ходу действия. Объект недостачи — невеста: «У царя Микидона было три сына и все неженатые. Вот они и просят: — Батюшка, жани нас» [Марья-царевна-лягушчонка, 2007, с. 175]. Выбор невесты совершается следующим образом: братья стреляют из лука (реже — из ружья), и выпущенные стрелы указывают, в какой стороне им предстоит брать себе невест.

¹ Функция 8-а по Проппу [Пропп, 2005, с. 33].

Как известно, многие сказочные мотивы являются отражением свадебного ритуала [Мелетинский]. Так, например, дары невесток зятю или пир² в сказке «Царевна-лягушка» точно повторяют ключевые элементы хода свадьбы [Веселова]. Но способ сватовства, который выглядит как бросание жребия, не встречается в описаниях традиционной русской свадьбы, а значит, мы имеем дело с мотивом, который сюжетно работает как выбор невесты, заменяющий сватовство, но не имеет прямых обрядовых параллелей.

Обозначим выделенный мотив как «стрельба» со следующей оговоркой: он содержит в себе еще один компонент: жребий, суть которого и заключена в производимом братьями действии. Они бросают жребий при помощи пускания стрел. Эта устойчивость употребления этих двух элементов нам представляется важной: они семантически взаимодополняют друг друга.

Мотив стрельбы / стрелы

Стрелы встречаются в разных сюжетах волшебных сказок, и они почти всегда связаны с добыванием невесты. В сказке «Королевич и его дядька» герой делает стрелу и пускает её «далеко-далеко», чтобы отвлечь «мамок и нянек», после чего освобождает из железного столба мужика-лешего, который помогает королевичу найти невесту [Королевич и его дядька, 1984–1985, т. 1, с. 57]. Пускание стрел как трикстерский приём есть и в других сказках: герой пускает стрелы, за ними бегут те, у кого потом отнимаются волшебные средства, и с их помощью добывается невеста [Чудесная курица, 1984–1985, т. 2, с. 163; Вещий сон, 1984–1985, т. 2, с. 209]. В сказке «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» Иван-царевич, чтобы вернуться к своей жене от чужой (которая хитростью женила его на себе), берет «меткую стрелу», седлает коня и едет домой [По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре, 1984–1985, т. 2, с. 298]. В сказке «Иван-кобыльников сын» происходит почти то же самое, что и в «Царевне-лягушке»: три брата по наущению матери ставят каждую ночь в землю свои стрелки, днём охотятся, а утром обнаруживают, что *«стрелки их — вышиты [изукрашены]»*. Братья решают ночью посмотреть, кто это делает, и видят: *«Прилетают три колпичи. Ударились о земь — dospелись красным девицам. И подкосились*

² Или смотрины: созыв царём невесток на пир или бал часто аргументируется тем, что надо на «жён посмотреть»; таким образом, это отсылка и к свадебному пиру, и к обряду смотрин невесты, где выявляются ее умения и навыки — как и в сказке.

всяка ко своей стрелке, и доспели хохотаньё: «Та, говорит, моёго милова стрела, и та говорит, — моёго милова, и третья говорит — моёго милова!» [Иван-кобыльников сын, 1932, т. 1, с. 227–228]. Обратим внимание, что братья находят свои стрелы вышитые, изукрашенные. Т. А. Бернштам в своей статье «Хитро-мудро рукодельице» говорит о том, что «вышивальный» этап — предбрачный статус девушки на выданье, демонстрация ее красоты» [Бернштам, 1999, с. 213].

Фольклорные и ритуальные контексты позволяют нам понять, почему именно с помощью метафоры стрельбы обозначается перспектива женитьбы. И. С. Веселова говорит о том, что «в фольклорной речи метафора берет свои основания из повседневного телесного, социального и психологического опыта каждого отдельного человека. Метафора — знак знака, метка сходства, связывающая, создающая смысл одной практики через другую» [Веселова, 2014, с. 33]. Метафоры, которыми говорит сказка, попадают в сказочный дискурс из жизни, а значит, представляют собой аккумуляцию социальных, эмоциональных смыслов.

В деревенской жизни, как известно, охота — мужское занятие. В фольклорных текстах топика охоты безусловно реализует смыслы, связанные с маскулинностью. В свадебных песнях жених обозначается через образ хищной птицы — сокола, которая охотится за лебедью (невестой).

Сизый селезень по реченьке плывет.

Добрый молодец по бережку идет;

Калену стрелу налаживает:

«Ты лети, моя каленая стрела,

Высоко вверх под оболоко!

Подстрели, моя каленая стрела,

Серу утицу на заводи,

Белу лебедь на перелете,

Красну девицу в высоком терему!

[«Сизый селезень по реченьке плывет...», 1895–1902, т. 5, с. 259]

В ходе свадебного обряда проговариваются эти же отношения. В первый день свадьбы во время пира мужчины стреляют из ружей в конёк дома или по украшению на фасаде доме («по побасулькам») [Веселова, 2014, с. 33]. В сказке «Безногий и слепой богатыри» Никита Колтома, сват царя, стреляет в царевнины терема, после чего «берет Елена Прекрасная грозного царя за руку, ведет в белокаменные палаты, сажает за столы дубовые, за скатерти браные; стали пить, есть, веселиться» [Безногий и слепой богатыри, 1984–1985, т. 2, с. 68], — то есть, соглашается выйти замуж.

Жест стрельбы «в сторону» невесты, которая определяется в фольклорном тексте как лебедь, утица, красна девица, царевна или через локус «терем»³, обусловлен представлением о том, что жених и невеста находятся друг с другом в отношениях власти и подчинения: женщина завоевывается, является объектом и целью охоты [Веселова, 2014, с. 42].

В сборнике «Русский эротический фольклор» представлены тексты, в которых стрела функционирует напрямую как фаллический символ:

— *Ах ты, душечка молотчик, ночью, друг, у меня,
Веселись, не ленись, полюбила я тебя,
Заряжай, друг, поскоряя свою булатную пищаль,
Булатную пищаль промеж ноги, душа, пуцай,
Ты натягивай стрелу на шелкову тетиву.
Теперь миленькой стает, друг, подымается,
Что на стрелочке тетивка напрягается,
Его стрелочка востра, к ретиву сердцу дошла,
Хоть ранила не больно, только кровь пошла*

[«Ах ты, душечка молотчик...», 1995, с. 47].

Жест стрельбы представлен в разных фольклорных жанрах и всегда так или иначе связан с половым созреванием (вспомним, что генетически в основе волшебной сказки лежит обряд инициации [Пропш, 2011, с. 9–17]) и вытекающим из этого вектором сексуальной направленности. Так, в сказках, где за стрельбой следует свадьба, лежит представление об отношениях жениха и невесты, реализуемые в метафоре охоты / стрельбы (метонимический аналог охоты). В этих же метафорах говорится о намерении эротического характера.

Мотив жребия

В сказке герои обращаются к жребию в ситуации сватовства. Но процесс представлен не обычным для жеребьёвки способом: как правило, решение посредством жребия выглядит как вытягивание

³ Который является «женским», девичьим пространством и местом встречи жениха и невесты [Никитина, 1993]. Так, жених, оказавшийся в тереме, стреляет:

Мой сердечный друг в высоком терему.
Он по горниц похаживает, Калену стрелу направливает,
Дубовой лучок натягивает...

[«Осердился друг сердечный на меня...», 1895–1902, т. 5, с. 289].

какого-либо предмета. Братья не производят подобных действий — они бросают стрелы наугад, и таким образом им достается одна из возможных невест.

Персонажи снимают с себя ответственность выбора. Императив «жениться» исходит часто от отца, а решение «на ком» зависит не от воли и желания кого-либо из персонажей, а определяется жребием. Таким образом, сюжетно женихи в сказке оказываются пассивными участниками своей «судьбы», что, надо заметить, не присуще мужскому поведению. В традиционном представлении поведение мужчины все-таки предполагает агентивность⁴, как можно судить по той же метафоре охоты, на языке которой говорится о брачных и сексуальных отношениях. Но если внешне добывание невесты в сказке представлено как метафора охоты, то отсутствует основной аспект, при котором мужчина наделен инициативой и силой.

К жеребьевке прибегают в тех случаях, когда требуется сделать выбор, ответственность за который возлагается не на человека, а на некоего сакрального адресата, к которому апеллируют участники. Историк Барбара Штольберг-Рилингер пишет, что «жеребьевка... вводится, чтобы легитимно обосновать неравное распределение благ, которое неизбежно: решение отдается на волю случая, и тем самым все участники получают равные шансы заполучить спорные блага» [Штольберг-Рилингер]. Американский антрополог Дж. Фостер, изучая крестьянскую мексиканскую общину, обнаружил, что доминирующий принцип их социально-экономических отношений — принцип «ограниченного блага». Следуя этой теории, «благо» в обществе ограничено, и люди следят за тем, чтобы оно было распределено между всеми поровну [Foster, 1965, p. 293–315]. Таким образом, этот принцип направлен на сохранение сообщества равных, и жребий — один из способов поддержания этого принципа. И получается, что люди, участвующие в процессе жеребьевки, снимают с себя ответственность за результат.

В сказке «Царевна-лягушка» все сыновья поставлены в одинаковые условия — и старшие, и младший. Принцип выбора «свыше» оказывается важнее, чем социальная иерархия: *«Вот пусть на крестьянской двор падёт или на попозьской, или там на княжеской — куда стрелоцька падёт, там вам и судьба жонитьце»* [Елена Прекрасная, 1939, с. 150–177]. Безусловно, в реальности подобный неравный брак был бы невозможен, поэтому, вероятно, в сказочном

⁴ Агентивность — присущая человеку способность к самостоятельному выбору и действию [Олсон, Адоньева, 2016].

тексте под указанной социальной иерархией подразумевается «разнокачественное» благо. Как мы знаем, «лягушка» признана лучшей из невесток царя.

То, какие будут невесты, героям неизвестно: они при помощи стрел узнают только направление. Стрела сама приведет, а царевичам нужно лишь покориться судьбе: *«Стреляйте, — говорит, — вверх. А на какой двор стрелка ляжет, там и невеста твоя»* [Про лягушку царевну, 1946, с. 267]. Жребий в сказке — это не только идея о справедливом распределении блага.

Мы знаем, что таким же образом, каким царевичи выбирают себе в сказке невест, девушки гадают на святки, чтобы узнать про своего суженого: *«Ну вот к этой деревне выходят все и по одной кричат: “Куда вот я в которую сторону, я вот выйду замуж?” Как собаки залают, в которой стороне, в ту сторону и выйдешь»*⁵. Герои в сказке делают практически то же самое: они получают знание, узнают сторону, в которой найдут свою «судьбу». Сказка проговаривает идею о собственной судьбе, о своей личной заинтересованности в ней и выборе с мужской точки зрения, используя при этом форму женской практики гадания.

ЛИТЕРАТУРА

Исследования

- Бернштам Т. А. «Хитро-мудро рукодельице» (Вышивание-шитье в символах девичьего совершеннолетия у восточных славян) // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 213.
- Веселова И. С. Конфликт лояльностей, или Путь за собственным «таланом» (на примере анализа сказок сюжетного типа 402 АТ «Царевна-лягушка») // Прагмема. URL: <http://www.pragmema.ru/pragmemy/monografii-i-stati/konflikt-loyalnostey-tsarevna-lyagushka> (дата обращения: 27.06.16).
- Веселова И. С. Повседневные и символические практики: правила метафорического переноса. Охотники и добыча // Коммуникативные конвенции и социальные сценарии: Филологический практикум. СПб., 2014. С. 31–56.
- Мелетинский Е. М. Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) // Ruthenia. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky13.htm> (дата обращения: 27.06.2016).
- Никитина Е. С. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.
- Олсон Л., Адоньева С. Б. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М.: НЛО, 2016. 440 с.
- Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2011. 332 с.

⁵ DTxt1–12.

- Пропт В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2005. 128 с.
- Штольберг-Рилингер Б. Решение с помощью жребия. Об обращении с контингентностью в раннее Новое время // *Perspectivia.net*. URL: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/stollberg-rilinger_entscheidung (дата обращения: 02.11.2015).
- Foster G. M. Peasant Society and the Image of Limited Good // *American Anthropologist*. Т. 67. 1965. P. 293–315.

Тексты

- «Ах ты, душечка молотчик...» // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. М.: Ладомир, 1995. С. 47.
- Безногий и слепой богатыри. № 199 // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1984–1985. Т. 2. С. 68.
- Вещий сон. № 240 // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. М., 1984–1985. Т. 2. С. 209.
- Елена Прекрасная // Сказки М. М. Коргуева. Кн. 2. Петрозаводск: Карельское государственное издательство, 1939. С. 150–177.
- Иван-кобыльников сын // Русская сказка. Избранные мастера: в 2 т. М.; Л.: Academia, 1932. Т. 1. С. 227–228.
- Королевич и его дядька. № 123 // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. М., 1984–1985. Т. 1. С. 57.
- Марья-царевна-лягушечка // Сказки Куприянихи. Записи 1925–1942 годов. СПб.: Тропа Троянова, 2007. С. 175.
- «Осердился друг сердечный на меня...» // Великорусские народные песни. СПб., 1895–1902. Т. 5. С. 289.
- По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре. № 283 // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. М., 1984–1985. Т. 2. С. 298.
- Про лягушку царевну // Фольклор Саратовской области. Кн. 1. Саратов: ОГИЗ, 1946. С. 267.
- «Сизый селезень по реченьке плывет...» // Великорусские народные песни. СПб., 1895–1902. Т. 5. С. 259.
- Чудесная курица. № 197 // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. М., 1984–1985. Т. 2. С. 163.